

Шедевры мировой поэзии

Генрих Гейне

Лорелея

Шедевры мировой поэзии

Генрих Гейне
Лорелея (сборник)

«Просвещение»

2012

Гейне Г.

Лорелея (сборник) / Г. Гейне — «Просвещение»,
2012 — (Шедевры мировой поэзии)

Генрих Гейне (1797–1856) – выдающийся немецкий поэт, писатель, критик. Яркий политический трибун, Гейне был еще и неподражаемым лириком, его поэзию отличают высокий романтизм и безудержная страстность. «Лорелея» – это удивительная коллекция избранных лирических шедевров Гейне из трех главных его поэтических сборников: «Книги песен», «Новых стихотворений», «Романсеро». В издании, рассчитанном на самую широкую читательскую аудиторию, представлены лучшие переводы мастеров XIX–XX вв.: М. Лермонтова, А. Плещеева, Л. Мея, Ап. Майкова, А. К. Толстого, А. Блока, В. Брюсова. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

© Гейне Г., 2012

© Просвещение, 2012

Содержание

Из ранних стихотворений (1816–1827)	7
«Когда подступает волшебный миг...» Перевод В. Зоргенфрея	8
«Весь день о ней я тосковал...» Перевод В. Зоргенфрея	9
«Мне в лес бы зеленый!..» Перевод В. Зоргенфрея	10
«Когда я с милою вдвоем...» Перевод В. Зоргенфрея	11
«И мнится, несусь я вновь на коне...» Перевод В. Аренс	12
«Я отодвинул ржавые засовы...» Перевод В. Зоргенфрея	13
«Излейся, сердце больное...» Перевод В. Зоргенфрея	14
«Был месяц март, когда любовь...» Перевод В. Зоргенфрея	15
Воспоминание. Перевод В. Зоргенфрея	16
«Не пугайся, дорогая!..» Перевод В. Быкова	18
Рамсгейт. Перевод В. Зоргенфрея	19
Отрывок. Перевод В. Зоргенфрея	20
Из «Книги песен» (1827)	21
«Я в старом сказочном лесу!..» Перевод А. Блока	22
Страдания юности	24
Сновидения	24
«Мне снился пыл неистовых измен...» Перевод В. Зоргенфрея	24
«Зловещий грезился мне сон...» Перевод М. Михайлова	24
«Вся кровь взметнулася во мне...» Перевод В. Зоргенфрея	28
«В глухую ночь, в блаженном сне...» Перевод В. Зоргенфрея	29
«Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?» Перевод В. Зоргенфрея	30
«Покинув прекрасной владычицы дом...» Перевод Н. Хвостова	33
«Забылись муки в тишине...» Перевод В. Зоргенфрея	39
«Вот вызвал я силою слова...» Перевод В. Зоргенфрея	39
Любовная жалоба. Перевод В. Зоргенфрея	40
Томление. Перевод В. Зоргенфрея	41
Белый цветок. Перевод В. Зоргенфрея	42
Песни	43
«Утром я встаю, гадаю...» Перевод В. Коломийцева	43
«Покоя нет и нигде не найти!..» Перевод В. Зоргенфрея	44
«Бродил я под тенью деревьев...» Перевод Л. Мея	45
«Положи мне руку на сердце, друг...» Перевод Е. Книпович	45
«Колыбель моей печали...» Перевод В. Коломийцева	46
«Подожди, моряк суровый...» Перевод Л. Мея	46

«Сначала страдал я жестоко...» Перевод П. Вейнберга	47
«Гор и замков вереницы...» Перевод В. Зоргенфрея	47
«О, пусть бы розы и кипарис...» Перевод В. Зоргенфрея	47
Романсы	48
Унылый. Перевод В. Зоргенфрея	48
Горный голос. Перевод В. Зоргенфрея	49
Два брата. Перевод В. Зоргенфрея	49
Бедный Петер. Перевод М. Кузмина	50
Вестник. Перевод П. Вейнберга	51
Похищение. Перевод В. Зоргенфрея	52
Дон Рамиро. Перевод В. Зоргенфрея	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Генрих Гейне

Лорелея (сборник)

© Р. Грищенко, состав, подготовка текста, 2012

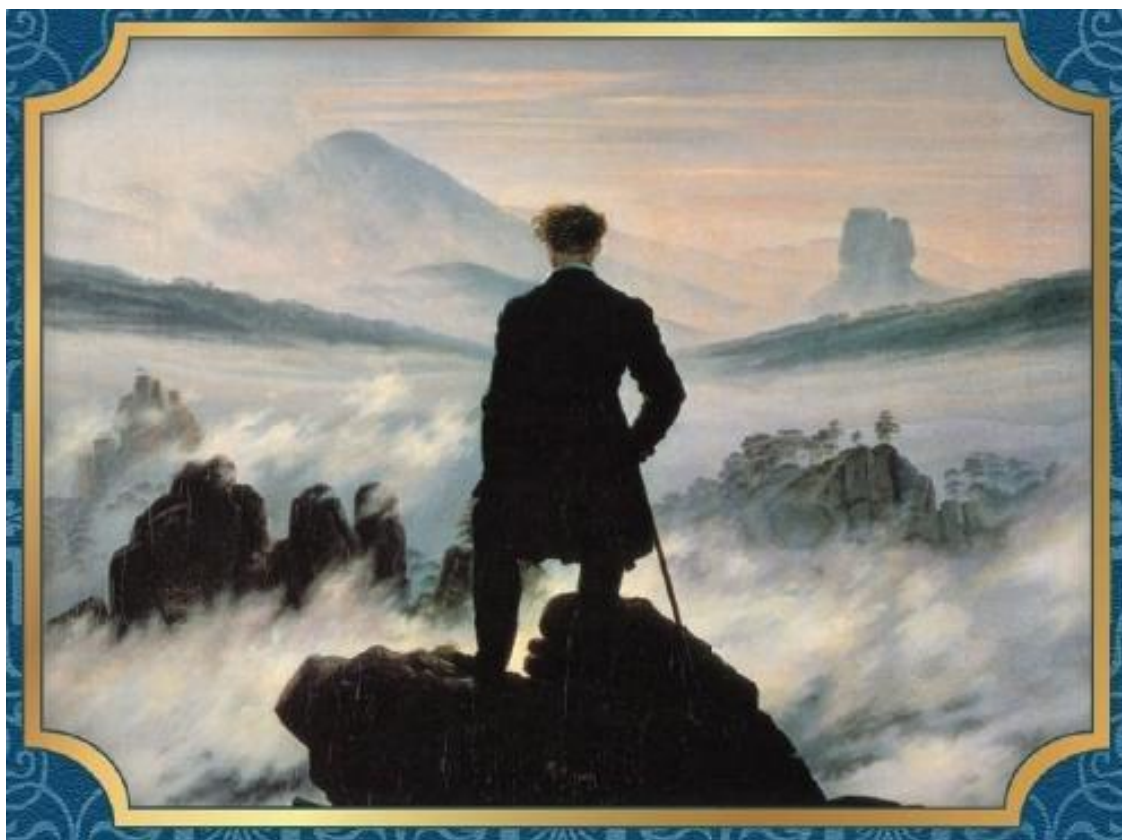
© ЗАО «Олма Медиа Групп», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*...Над страшной ...Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы...*

Из ранних стихотворений (1816–1827)

*Излейся, сердце Излейся, сердце больное,
Томленье пылкой души,
Той песней, что давно я
Таю от мира в тиши!*

**«Когда подступает волшебный
миг...» *Перевод В. Зоргенфрея***

Когда подступает волшебный миг
И ширится грудь, вдохновенья родник,
Берусь за перо я, поспешен и дик, —
И образ чудесный из слова возник!

«Весь день о ней я тосковал...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Весь день о ней я тосковал,
Полночи был во власти грез,
И тяжкий сон меня сковал
И к ней мгновенно перенес.

Как роза юная, она
Цветет, спокойна и светла.
Ягнят на глади полотна
Выводит тонкая игла.

Так кроток взор, – ей не понять,
Что я поник, душой скорбя.
«Ты бледен, Генрих, как узнать,
Что огорчило так тебя?»

Так кроток взор, – и странно ей,
Что горько плачу я, любя.
«Ты плачешь, Расскажи скорей,
Мой друг, кто огорчил тебя?»

Так кроток нежный взор, а я
Готов в стенаньях изойти.
«Виною ты, любовь моя,
Что эта боль вот здесь, в груди».

Она встает, душой светла,
И руку мне на грудь кладет;
И разом боль моя прошла;
И ясен утра был восход.

«Мне в лес бы зеленый!...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Мне в лес бы зеленый! Как дивно там
Цветы цветут, распевают птицы!
Умру, и тьма могильной ночи
Землей забьет мне слух и очи, —
И не цвести для меня цветам,
И звонким щебетом мне не упиться.

«Когда я с милою вдвоем...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Когда я с милою вдвоем,
То всё идет на лад,
И целый мир мне нипочем,
И в мыслях я богат.

Но лишь объятия ее
Покину – в сердце мрак,
Богатство рушится мое,
Я снова нищ и наг.

«И мнится, несусь я вновь на коне...» *Перевод В. Арнс*

И мнится, несусь я вновь на коне,
Охвачен силой былою.
И снова сердце пылает в огне,
Несусь я к милой стрелою.

И мнится, несусь я вновь на коне,
Охвачен силой былою.
Лечу я в битву, и гнев во мне, —
Противник ждет меня к бою.

Несутся, летя, как ветер свистя,
Луга, берега, ракиты.
Противник мой и ты, дитя, —
Вы будете оба разбиты.

«Я отодвинул ржавые засовы...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Я отодвинул ржавые засовы
У врат, ведущих в смутный мир видений,
Сорвал печати с огненно-багровой,
Волшебной книги страсти и томлений;
И то, что в ней прочел я, вечно новой,
Отобразил я в строках песнопений.
Пройдут века, забудет мир поэта, —
Останется нетленной песня эта.

«Излейся, сердце больное...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Излейся, сердце больное,
Томленье пылкой души,
Той песней, что давно я
Таю от мира в тиши!

Отныне скорбному звуку
Открыты слух и сердца;
Тысячелетнюю муку
Я заклиал заклитьем певца.

Рыдают старый и малый
И важные господа,
Цветок прослезился алый,
И плачет в небе звезда.

И все эти слезы потоком
Единым текут на юг,
Чтоб смыть в Иордане глубоком
Старинный, тяжкий недуг.

«Был месяц март, когда любовь...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Был месяц март, когда любовь
Мне мукой взволновала кровь.
Но вот зеленый май пришел,
И скорби я конец обрел.

То было, помню, светлым днем,
Мы на скамье сидели вдвоем
Под липой, спрятавшись от людей,
И там открыл я сердце ей.

В саду ароматном, в зеленых ветвях
Пел соловей. Но в его словах
Мы разбирались тогда едва ли —
Мы с нею о важных вещах толковали.

Друг другу в верности мы клялись.
Закат померк, и часы неслись;
Сидели мы долго во тьме, и у нас
Жаркие слезы струились из глаз.

Воспоминание. *Перевод В. Зоргенфрея*

Чего ты хочешь, нежное виденье?
Ты снова в душу смотришься мою!
Твой взор исполнен кроткого томленья;
Да, это ты, тебя я узнаю.

Я ныне тяжело болен, неудачи
Сломили дух, от жизни я устал.
Тоска гнетет. А было всё иначе
В те дни, когда тебя я повстречал!

Покинув дом родной, исполнен пыла,
Стремился я за призраком мечты,
Презреть готов был землю и светила,
Сорвать их с лучезарной высоты.

Ты, Франкфурт, полон жуликов, но это
Прощаю я: ты дал моей стране
Благую власть и лучшего поэта,
Ты – город, где она явилась мне.

В разгаре были дни торговли шумной,
Дни ярмарки, и я в толпе густой
Шел по нарядной улице бездумно,
Как бы во сне следя за суетой.

И вдруг – она! Скользящая походка
Мне тайный, сладкий страх вливает в грудь;
Блаженный взор светился лаской кроткой,
И я в толпе за ней пустился в путь.

И так мы шли и в переулок тесный
Вступили; замер ярмарочный гул;
И тут она, с улыбкою прелестной,
Скользнула в дом, и я за ней скользнул.

Но алчной здесь была одна лишь тетка,
Чьей жертвой стал девичий первый цвет;
Мне добровольно отдалась красotka,
Не из корысти низменной, о нет!

О нет! Не только музы мне знакомы,
И личиком меня не проведешь:
В продажном сердце нет такой истомы,
Так не глядит заученная ложь.

Она была прекрасна! Красотою
Богини, взмывшей в пене и волнах,
Была, быть может, светлую мечтою,
Меня томившей в отроческих снах!

Я не узнал ее! Я был во власти
Тумана, взор заметил колдовство.
Быть может, я держал свое же счастье
В объятиях – и не узнал его!

Еще прекрасней, в горести безбрежной,
Была она спустя три долгих дня,
Когда мечта от встречи этой нежной
Вдаль повлекла по-прежнему меня;

Когда она, в отчаянье и муке,
С распущенными прядями волос,
Упала ниц и заломила руки
У ног моих, дрожа от горьких слез!

Ей шпоры лоб изранили – о Боже! —
Я видел сам, как выступила кровь;
И от бедняжки вырвался я всё же,
Расстался с ней – и не увидел вновь!

Конец мечте старинной, но и ныне
Со мной бедняжка всюду и везде.
В какой глухой блуждаешь ты пустыне?
Тебя я предал боли и нужде!

«Не пугайся, дорогая!...» *Перевод В. Быкова*

Не пугайся, дорогая!
Не похитят нас теперь:
Твой покой оберегая,
На замок я запер дверь.

Как бы вихрь ни злился яро,
Дверь ему не сокрушить;
Но чтоб не было пожара,
Лучше лампу затушить...

Ах, позволь покрепче шею
Мне твою обвить вокруг,
Шали нет – так я согрею,
Чтоб не зябла ты, мой друг!

Рамсгейт. Перевод В. Зоргенфрея

«О поэт, любезный сердцу,
Как о нем мы все тоскуем!
Как бы нам его хотелось
Осчастливить поцелуем!»

Так любезно наши дамы
О поэте рассуждали,
Между тем как на чужбине
Изнывал я от печали.

Солнце юга не согреет
Тех, кого терзает холод.
От воздушных поцелуев
Не уймется в сердце голод.

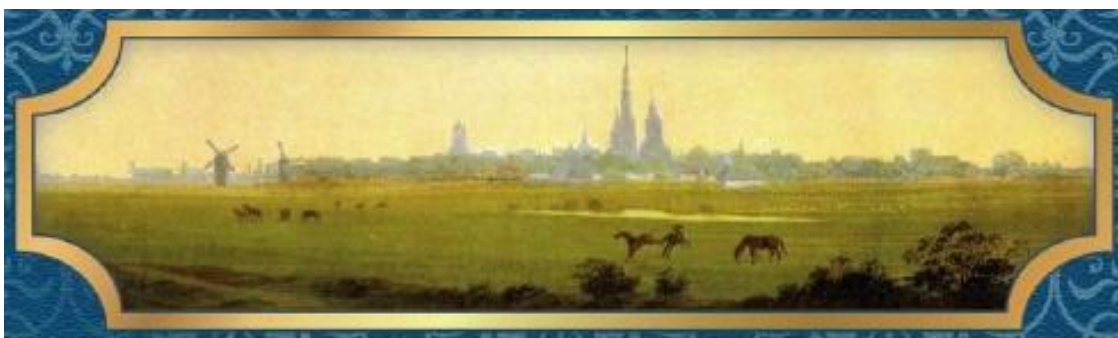
Отрывок. *Перевод В. Зоргенфрея*

Блаженный миг – когда устами
Бутона трепещущий примят;
Не меньше счастья нам дарует
Цветущей розы аромат.

Из «Книги песен» (1827)

*Прими же песнь, что чистым сердцем Прими же песнь,
что чистым сердцем спета;
Да не пребудет жизнь моя бесследной!
Я знак любви тебе оставил бедный, —
Когда умру, не забывай поэта!*

«Я в старом сказочном лесу!...» *Перевод А. Блока*

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду иду – и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду, – широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрыты окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожденья и гнева,
И тело и лапы как у льва,
Лицом и грудью – дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумьем взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей – и у меня
К борьбе не стало силы,
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целую образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень, —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

Это все я мог бы очень хорошо рассказать хорошей прозой... Но когда перечитываешь старые стихи, чтобы, по случаю нового их издания, кое-что в них подправить, тобою вдруг, подкравшись невзначай, снова завладевает звонкая привычка к рифме и ритму, и вот стихами начинаю я третье издание «Книги песен». О Феб-Аполлон! Если стихи эти дурны, ты ведь легко простишь меня... Ты же – всеведущий бог, и ты знаешь очень хорошо, почему вот уже столько лет ритм и созвучия слов не могут быть для меня главным занятием... Ты знаешь, почему пламя, когда-то сверкающим фейерверком тешившее мир, пришлось вдруг употребить для более серьезных пожаров... Ты знаешь, почему его безмолвное пылание ныне пожирает мое сердце... Ты понимаешь меня, великий, прекрасный бог, – ты, подобно мне, менявший подчас золотую лиру на тугой лук и смертоносные стрелы... Ты ведь не забыл еще Марсия, с которого заживо содрал кожу? Это случилось уже давно, и опять явилась нужда в подобном примере... Ты улыбаешься, о мой вечный отец!

*Писано в Париже,
28 февраля 1839
Генрих Гейне*

Страдания юности

Сновидения

«Мне снился пыл неистовых измен...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Мне снился пыл неистовых измен,
И резеда, и локоны, и встречи,
И уст сладчайших горестные речи,
И сумрачных напевов томный плен.

Поблекли сны, развеялись виденья,
И образ твой, любимая, поблек!
Осталось то, что воплотить я мог,
Давно когда-то, в звуки песнопенья.

Осталась песнь! Лети же ей вослед,
Исчезнувшей давно, неуловимой,
Сыщи ее и передай любимой
И призрачной мой призрачный привет.

«Зловещий грезился мне сон...» *Перевод М. Михайлова*

Зловещий грезился мне сон...
И люб и страшен был мне он;
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

В цветущем – снилось мне – саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нежные клоня,
Цветы приветствуют меня.

Веселых пташек голоса
Поют любовь; а небеса
Горят и льют румяный свет
На каждый лист, на каждый цвет.

Из трав курится аромат;
Теплом и негой дышит сад...
И все сияет, все цветет,
Все светлой радостью живет.

В цветах и зелени кругом,
В саду был светлый водоем.
Склонялась девушка над ним
И что-то мыла. Неземным

В ней было все – и стан, и взгляд,
И рост, и поступь, и наряд.
Мне показалась она
И незнакома и родна.

Она и моет и поет —
И песнью за сердце берет:
«Ты плечи, волна, плечи!
Холст мой белый полощи!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здесь зачем, и моешь что?»

Она в ответ мне:
«Будь готов! Я мою в гроб тебе покров».
И только молвила – как дым
Исчезло все. – Я недвижим

Стою в лесу. Дремучий лес
Касался, кажется, небес
Верхами темными дубов;
Он был и мрачен и суров.

Смущался слух, томился взор...
Но – чу! – вдали стучит топор.
Бегу заросшею тропой —
И вот поляна предо мной.

Могучий дуб на ней стоит —
И та же девушка под ним;
В руках топор... И дуб трещит,

Прощаясь с корнем вековым.

Она и рубит и поет —
И песнью за сердце берет
«Ты руби, мой топорок!
Наруби ты мне досок!»

Готт Т. К Невеста смерть. 1894-1895

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто
И рубишь дерево на что?»

Она в ответ мне:
«Близок срок! Тебе на гроб рублю досок».
И только молвила – как дым
Исчезло все. Тоской томим,

Гляжу – чернеет степь кругом,
Как опаленная огнем,
Мертва, бесплодна... Я не знал,
Что ждет меня, но весь дрожал.

Иду... Как облачный туман,
Мелькнул вдали мне чей-то стан.
Я подбежал... Опять она!
Стоит, печальна и бледна,

С тяжелым заступом в руках —
И роет им. Могильный страх
Меня объял. О, как она
Была прекрасна и страшна!

Она и роет и поет!
И скорбной песнью сердце рвет:
«Заступ, заступ! глубже рой:
Надо в сажень глубиной!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здесь зачем, и роешь что?»

Она в ответ мне: «Для тебя
Могилу рою». Ныла грудь,
И содрогаясь и скорбя,
Но мне хотелось заглянуть

В свою могилу. Я взглянул...
В ушах раздался страшный гул,
В очах померкло... Я скатился
В могильный мрак – и пробудился.

«Вся кровь взметнулася во мне...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Вся кровь взметнулася во мне,
И сердце в яростном огне!
Кипит неистовая кровь,
Пылает сердце вновь и вновь.

В крови кипенье, гул и звон.
Я нынче видел страшный сон:
Ко мне сошел властитель тьмы,
И с ним вдвоем умчались мы.

И вот сияет светом дом,
Внутри веселье, дым столбом,
И звуки арф, и шумный бал;
И я вступил в блестящий зал.

Я вижу свадебный обряд, —
Гостей теснится шумный ряд,
И я в невесте узнаю —
О горе! – милую мою!

Она, что так была светла,
Другому руку отдала;
Другой, другой – ее жених,
И я застыл, недвижим, тих.

Кругом веселье, блеск и шум,
Но я стою за ней, угрюм.
Невеста радостью цветет,
Жених ей руку нежно жмет.

Жених в бокал налил вина,
Пригубил, ей дает; она
С улыбкой пьет. Я слезы лью.
Ты пьешь – о горе! – кровь мою.

Невеста яблоко берет
И жениху передает.
Тот режет яблоко. О, дрожь!
В мое вонзил он сердце нож.

Пылают негой взоры их,
К себе привлек ее жених,
Целует, вижу я. Конец! —
Меня поцеловал мертвец!

Железом скован мой язык,
В немом молчанье я поник.
И снова танцы, гул и звон,
И в первой паре с нею он.

Стою я, бледен, недвижим,
Она кружит, обнявшись с ним;
Жених ей что-то говорит,
Она краснеет, но молчит.

«В глухую ночь, в блаженном сне...» *Перевод В. Зоргенфрея*

В глухую ночь, в блаженном сне,
Сошла любимая ко мне;
Волшебной силой, колдовской,
Ко мне явилась, в мой покой.

Она, прелестная, она!
Улыбка кроткая ясна;
Гляжу – и сердце рвется ввысь,
Слова потоком полились:

«Возьми что хочешь, не жалея,
Я всё отдам, лишь будь моей,
Всю ночь моею, напролет, —
Пока петух не пропоет».

Она глядит с такой тоской,
Так кротко, с нежностью такой,
И тихий голос слышу я:
«Ценой блаженства – я твоя!»

«И жизнь цветущую и кровь
Отдам тебе, моя любовь,
Я всё отдам, я всё стерплю,
Но нет – души не погублю».

Еще слова мои звучат,
Но всё нежнее кроткий взгляд,
И тот же голос слышу я:
«Ценой блаженства – я твоя!»

Призывом страстным полон слух,
Зажегся пламенем мой дух
В последней, темной глубине;
Дышать так трудно, трудно мне.

Доныне реял, как оплот,
Рой светлых ангелов, но вот
Из преисподней дико взмыл
Клубок зловещих, темных сил.

И стало ангелам невмочь,
Их оттеснила злая ночь;
И, наконец, нечистых тьма
Во мгле рассеялась сама.

А я блаженством исхожу —
В объятьях милую держу;
Она ко мне пугливо льнет,
Но горько, горько слезы льет,

Рыдает милая моя;
Ее уста целую я:
«Потоки слез останови,
Отдайся пламенной любви!

Отдайся пламенной любви...»
И вдруг – озноб в моей крови:
Под гул и треск покров земной
Разверзся – пропасть предо мной.

Из черной пропасти возник
Рой черных духов в тот же миг;
Сокрыл он милую мою;
Один, как прежде, я стою.

Стою, и черный рой ведет
Вокруг меня свой хоровод,
Всё ближе, ближе, всё тесней,
И громкий хохот всё гнусней.

Вот-вот сомкнется узкий круг,
В ушах всё тот же страшный звук:
«Блаженство ты отверг, презрел,
Проклятье – вечный твой удел».

«Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?» *Перевод В. Зоргенфрея*

Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?
Ты видишь, я весь – нетерпенье и дрожь.
Кровавый сообщник, меня не морочь:
Невесты все нет, а уж близится ночь.

От кладбища тихо летят ветерки, —
Невесту мою не встречали ль, дружки?
И вижу, как призраков бледных орда
Кивает в ответ, ухмыляется: «Да!»

Выкладывай, с чем ты пришел ко мне,
Ливрейный верзила, в дыму и огне?
«В драконьей запряжке мои господа
Прикатят – недолго их ждать – сюда».

Ты, маленький, низенький, в сером весь,
Мой мертвый магистр, зачем ты здесь?
Безмолвно ко мне обращает он взгляд,
Трясет головой и уходит назад.

Косматый мой пес, ты скулишь неспроста!
Как ярко сверкают зрачки у кота!
К чему это женщины подняли вой?
О чем это нянька поет надо мной?

Нет, нянюшка, песенкам прежним конец,
Я нынче, ты знаешь, иду под венец;
Баюкать меня теперь ни к чему, —
Смотри-ка, и гости – один к одному!

Друзья, как любезно, не ждал никогда б!
В руках у вас головы вместо шляп.
И вы, дрыгоножки, вы тоже пришли;
Что поздно сегодня сорвались с петли?

А вот на метле и старушка карга.
Благослови же родного сынка!
И ведьма, трясясь, выступает вперед;
«Аминь!» – произносит морщинистый рот.

Идут музыканты – к скелету скелет,
Слепая скрипачка пиликает вслед;
Явился паяц, размалеванный в прах,
С могильщиком на худых плечах.

Двенадцать монахинь ведут хоровод,
И сводня косая им тон задает,
Двенадцать попов похотливых свистят
И гнусность поют на церковный лад.

Старьевщик, и ты надрываешься зря,
На что в преисподней мне шуба твоя!
Там есть чем топить до скончанья веков, —
Останками смертных – царей, бедняков.

Несносен горбатых цветочниц вой —
Знай по полу носятся вниз головой.
Вы, рожи совиные, – без затей!
Оставьте! К чему этот хруст костей!

Поистине с цепи сорвался ад.
Их больше и больше, визжат и гудят, —
Вот вальс преисподней!.. Потише вы, эй!
Сейчас я увижусь с подругой моей.

Потише вы, сброд, или попросту прочь!
Себя самого мне расслышать невмочь.
Как будто подъехали к дому теперь?
Хозяюшка, где ты! Открой им дверь!

Привет, дорогая! О, что за честь!
И пастор тут! Не угодно ли сесть?
Хоть вы с лошадиным копытом, с хвостом,
Отец преподобный, я ваш целиком!

Любимая, что ты бледна как мертвец?
Нас пастор сейчас поведет под венец;
Я кровью ему заплатил, это так,
Но плата, в сравненье с тобою, пустяк.

Колени склони, дорогая, со мной!
Она на коленях, – о, миг неземной! —
Прижалась ко мне – там, где сердце мое,
И в диком порыве я обнял ее.

Я волнами локонов нежно обвит,
И сердце у сердца любимой стучит.
Стучат от блаженства и боли сердца
И к небу стремятся, к престолу Творца.

Восторгом сердца беспредельным зажглись
И рвутся туда, где священная высь;
Но здесь, на земле, торжествует зло,
Нам ад возложил свою длань на чело.

Гнетущего мрака угрюмый сын
Свершает над нами венчания чин;
Кровавую книгу он держит в руках,
В молитве – кощунство, проклятье – в словах.

И вой, и шипенье, и свист кругом,
Как грохот прибоя, как дальний гром...
Тут вспыхнул огонь, ослепительно синь,

И шамкает старая ведьма: «Аминь!»

«Покинув прекрасной владычицы дом...» *Перевод Н. Хвостова*

Покинув прекрасной владычицы дом,
Блуждал, как безумный, я в мраке ночном;
И мимо кладбища когда проходил,
Увидел – поклоны мне шлют из могил.

С плиты музыканта несется привет;
Луна проливает мерцающий свет...
Вдруг шепот: «Сейчас я увижусь с тобой!»
И бледное что-то встает предо мной.

То был музыкант. Он на памятник сел
И голосом диким, могильным запел,
Струн цитры касаясь костлявой рукой;
Печальная песнь полилася рекой:

«Ну, струны, песенку одну
Вы помните ль, что в старину
Грудь обливала кровью?
Зовет ее ангел блаженством небес,
Мученьями ада зовет ее бес,
А люди – любовью!»

Раздался лишь слова последнего звук,
Могилы кладбища разверзлись вдруг,
Воздушные тени из них поднялись,
Вокруг музыканта, как вихрь, понеслись.

«Твой огонь, любовь, любовь,
Нас в могилы уложил.
Так зачем же из могил
Вызываешь ночью вновь!»

Все плачут и воют, режут и кряхтят,
И стонут и свищут, бушуют, шумят,
Теснят музыканта безумной толпой:
Он вновь по струнам ударяет рукой:

«Браво, браво, тени! Пляс
Продолжайте
И внимайте
Песне, сложенной для вас!
В тишине спать сладко нам,
Как мышонкам по норам;

Но поднять и шум и гам
В эту ночь,
Помешать не могут нам!

Жить мы в мире не умели,
Дураки, мы не хотели
Гнать любви безумье прочь...
Так как нынче нам удобно,
Каждый скажет пусть подробно,
Как его вскипала кровь,
Как гнала
И рвала
На куски его любовь!»

Фридрих К. Д. Пейзаж с могилой, гробом и совой. Ок. 1836

И тощая тень, словно ветер легка,
Жужжит, выступая вперед из кружка:

«Подмастерьем у портного,
С ножницами и иглой,

Жил я; нрава был живого,
С ножницами и иглой;
Дочь хозяйская явилась
С ножницами и иглой,
И мое пронзила сердце
Ножницами и иглой!»

Хохочет веселых теней хоровод —
Сурово второй выступает вперед:

«Я Ринальдо Ринальдини,
Шиндерганно, Орландини,
Карла Мора, наконец,
Брал себе за образец.

Я ухаживал порою,
Как они – от вас не скрою, —
И в земных прелестных фей
Я влюблялся до ушей.

Плакал я, вздыхал умильно
И любовью был так сильно
С толку сбит, что спутал бес —
Я в чужой карман залез.

И беднягу задержали
Лишь за то, что он в печали
Слезы вытереть тайком
Захотел чужим платком.

С негодьями, ворами
Был упрятан я властями
По суду в рабочий дом,
Где томился под замком.

О любви святой мечтая,
Там сидел я, шерсть мотая;
Но мой дух в прекрасный день
Унесла Ринальдо тень».

Хохочет веселых теней хоровод,
В румянах выходит дух третий вперед:

«Царил я, бывало, на сцене,
Любовников первых играл,
„О, боги!“ – ревел при измене,
Блаженствуя, нежно вздыхал.

Мортимер я был превосходный,

Мария была так мила!..
Но жесты я тратил бесплодно,
Понять их она не могла!

На счастье утратив надежду,
„Небесная”, – раз я вскричал —
И в грудь глубоко, сквозь одежду,
Вонзил себе острый кинжал».

Хохочет веселых теней хоровод,
Весь в белом выходит четвертый вперед:

«Я сладко дремал под профессора чтение,
От сна отказаться мне было невмочь!
Зато приводила меня в восхищенье
Профессора скучного милая дочь.

Она из окошка мне делала знаки,
Цветок из цветочков, мой ангел земной!
Цветок из цветочков был сорван, однако —
Филистером тощим с богатой казной.

Тут проклял я женщин, богатых нахалов,
Чертовского зелья насыпал в рейнвейн
И чокнулся с смертью; при звоне бокалов
Смерть молвила: „Здравствуй, зовусь я друг Гейн!”»

Хохочет веселых теней хоровод;
На шее с веревкою пятый идет:

«Хвалился, пируя, граф дочкой своей
И блеском своих драгоценных камней!
Не надо мне, граф, драгоценных камней —
В восторге от дочки я милой твоей!

Запоры, замки дочь и камни хранят,
В передней лакеев стоит длинный ряд;
Лакеи, запоры меня не страшат —
Я лестницу смело тащу к тебе в сад.

По лестнице бойко в окно лезу я;
Вдруг слышу внизу окликают меня:
„Дружок, подожди-ка! Вдвоем веселей,
Любитель и я драгоценных камней!”

Так гриф издевался – и схвачен я был,
Шумя, ряд лакеев меня обступил.
„Эй, к черту вы, челядь, не жулик я, прочь!
Хотел я украсть только графскую дочь!”

Помочь не могли уверенья слова...
В петлю угодила моя голова!
И солнце, явясь с наступлением дня,
Дивилось, увидев висящим меня».

Хохочет веселых теней хоровод;
Шестой, с головою в руке, шел вперед:

«В любовной боли и тоске
Я лесом шел с ружьем в руке;
Вдруг слышу – ворон надо мной
Прокаркал: „Голову долой!”

Когда б мне голубя найти,
С охоты милой принести!
Так думал я, и тут, и там
Я долго шарил по кустам.

Чу! Шорох!.. Поцелуй!.. Опять!
Не голубки ли? Надо взять!
Спешу, взвожу курок ружья —
И что ж? Голубка там моя!

Невесту милую мою
В чужих объятьях застаю...
Охотник, промаху не дай!..
И залит кровью негодяй.

Тем лесом вскоре шел народ.
Меня везли на эшафот...
И снова ворон надо мной
Прокаркал: „Голову долой!”»

Хохочет веселых теней хоровод;
И сам музыкант выступает вперед:

«Пел я песенку когда-то;
Спета песенка моя,
Ах, когда разбито сердце —
Песни кончены, друзья!»

Быстрее завертелися тени вокруг;
Тут хохот безумный удвоился вдруг;
Раздался удар колокольных часов —
К могилам рванулась толпа мертвецов.

«Забылись муки в тишине...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Забылись муки в тишине,
В оковах легких сна;
И вот она явилась мне,
Прекрасна и бледна.

Глядит так дивно и светло,
В ресницах жемчуг слез;
Как мрамор холодно чело
Под прядями волос.

Она сошла ко мне во тьму,
Как мрамор холодна,
И никнет к сердцу моему,
Как мрамор холодна.

Готов я страстью изойти,
И боль мне душу жжет,
Но сердце у нее в груди
Холодное как лед.

«Не бьется сердце здесь, в груди,
В нем холод ледяной;
Но знай, и мне дано цвести,
Цвести в любви земной.

Устам румянца не вернуть,
Застыла в сердце кровь,
Но ты тоску свою забудь,
Во мне – одна любовь».

И крепко-крепко обняла —
От боли замер дух —
И в ночь туманную ушла,
Едва пропел петух.

«Вот вызвал я силою слова...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Вот вызвал я силою слова
Бесплотных призраков рать:
Во мглу забвенья бывшего
Уж им не вернуться опять.

Заклятья волшебного строки
Забыл я, охвачен тоской,

И духи во мрак свой глубокий
Влекут меня за собой.

Прочь, темные силы, не надо!
Оставьте, духи, меня!
Земная мила мне услада
В сиянье алого дня.

Ищу неизменно, всегда я
Прелестного цветка;
На что мне и жизнь молодая,
Когда любовь далека?

Найти забвенье в желанье,
Прижать ее к пылкой груди!
Хоть раз в едином лобзанье
Блаженную боль обрести!

Пусть только подаст устами
Любви и нежности знак —
И тут же готов я за вами
Последовать, духи, во мрак

И, тайный страх навевая,
Кивает толпа теней.
Ну вот, я пришел, дорогая, —
Ты любишь? Скажи скорей!

Любовная жалоба. Перевод В. Зоргенфрея

Одинок, в укромной келье,
Я печаль таю от всех;
Мне неведомо веселье,
Я бегу людских утех.

В одиночестве покоя
Слезы катятся в тиши;
Но умеришь ли слезою
Жар пылающей души!

Отрок резвый, я, бывало,
Отдавал игре досуг,
Сердце горести не знало,
И смеялась жизнь вокруг.

Ибо мир был пестрым садом,
И блуждал я там один,

Обводя любовным взглядом
Розы, ландыш и жасмин.

Волны кроткие свободно
По лугам катил родник;
А теперь на глади водной
Чей-то бледный вижу лик

Стал я бледен в день, как с нею
Повстречался страстный взор;
Тайной болью я болею,
Дивно, дивно мне с тех пор.

В сердце райские святыни
Я лелеял много дней,
Но они взлетели ныне
К звездной родине своей.

Взор окутан мглой туманной,
Тени встали впереди,
И какой-то голос странный
Тайно жив в моей груди.

Болью странной, незнакомой
Я объят, во власти чар,
И безжалостной истомой
Жжет, палит меня пожар.

Но тому, что я сгораю,
Что кипит немолчно кровь,
Что, скорбя, я умираю, —
Ты виной тому, любовь!

Томление. Перевод В. Зоргенфрея

Куда ни посмотришь – под липой, в тени,
С подружкой паренек;
А я-то – Господь, спаси, сохрани! —
Один как перст, одинок.

Увижу таких вот счастливых двоих —
И тоской сжимается грудь:
И я ведь любимой моей жених,
Да только не близкий к ней путь.

Терпел я разлуку как только мог,
Но больше не в силах ждать.

Я вырежу трость, увяжу узелок,
Отправлюсь по свету блуждать.

Пройдет в пути и день и другой,
И город увижу я вдруг;
Стоит он в устье, над рекой,
Три грозных башни вокруг.

Вот тут-то конец тревоге моей,
Настанут светлые дни;
Вот тут-то бродить мне с подружкой, с ней,
Под липами, в тени.

Белый цветок. Перевод В. Зоргенфрея

В саду отцовском укрыт в тени
Унылый, бледный цветок;
Минули снежные зимние дни —
Всё так же бледен цветок.
Глядит он и весной
Невестою больной.

Мне шепчет бледный цветочек вслед:
«Сорви меня, милый брат!»
И я цветку отвечаю:
«Нет. Не ты приковал мой взгляд;
Меня гнетет тоска
Без алого цветка».

И молвит бледный цветочек «Что ж,
И смерть недалека;
До самой смерти не найдешь
Ты алого цветка.
Меня сорви, о друг,
Ведь в нас один недуг».
Так шепчет бледный цветок, и я
Срываю робко его.

И разом светлеет душа моя,
Рассеялось колдовство.
На обреченного страдать
Нисходит благодать.

Песни

«Утром я встаю, гадаю...» *Перевод В. Коломийцева*

Утром я встаю, гадаю:
Можно ль нынче ждать?
Вечером томлюсь, вздыхаю:
Не пришла опять!

Сна не шлет душе усталой
Долгой ночи тень;
Грезя, полусонный, вялый,
Я брожу весь день.

Оппенгейм М. Портрет Генриха Гейне. 1831

«Покоя нет и нигде не найти!..» *Перевод В. Зоргенфрея*

Покоя нет и нигде не найти!
Час-другой – и увижусь я с нею,
С той, что прекраснее всех и нежнее;
Что ж ты колотишься, сердце, в груди?

Ох, уж часы, ленивый народ!
Тащатся еле-еле,
Тяжко зевая, к цели, —
Ну же, ленивый народ!

Гонка, и спешка, и жар в крови!
Видно, любовь ненавистна Орам:
Тайно глумясь, мечтают измором
Взять коварно твердыню любви.

«Бродил я под тенью деревьев...» *Перевод Л. Мея*

Бродил я под тенью деревьев,
Один, с неразлучной тоской —
Вдруг старая греза проснулась
И в сердце впилась мне змеей.

– Певицы воздушные! Где вы
Подслушали песню мою?
Заслышу ту песню – и снова
Отраву смертельную пью.

«Гуляла девица и пела
Ту песню не раз и не раз:
У ней мы подслушали песню,
И песня осталась у нас».

– Молчите, лукавые птицы!
Я знаю, что хочется вам
Тоску мою злобно похитить...
Да я-то тоски не отдам!

«Положи мне руку на сердце, друг...» *Перевод Е. Книпович*

Положи мне руку на сердце, друг,
Ты слышишь в комнатке громкий стук?
Там мастер хитрый и злой сидит
И день и ночь мой гроб мастерит.

Стучит и колотит всю ночь напролет,
Давно этот стук мне уснуть не дает.
Ах, мастер, скорей, скорей бы уснуть, —
Я так устал, пора отдохнуть.

«Колыбель моей печали...» *Перевод В. Коломийцева*

Колыбель моей печали,
Склеп моих спокойных снов —
Город грез, в чужие дали
Ухожу я, – будь здоров!

Ах, прощай, прощай, священный
Дом ее, дверей порог
И заветный, незабвенный
Первой встречи уголок!

Если б нас, о дорогая,
Не свела судьба тогда, —
Тихо жил бы я, не зная
Мук сердечных никогда!

Это сердце не дерзало
О любви тебе шептать:
Только там, где ты дышала,
Там хотелось мне дышать.

Но меня неожиданно гонит
Строгий, горький твой упрек!
Сердце раненое стонет,
Ум смятенный изнемог.

И, усталый и унылый,
Я, как странник, вдаль иду
Без надежд, – пока могилы
На чужбине не найду.

«Подожди, моряк суровый...» *Перевод Л. Мея*

Подожди, моряк суровый:
В гавань я иду с тобой,
Лишь с Европой дай проститься
И с подругой дорогой.

Ключ кровавый, брызни, брызни
Из груди и из очей!
Записать мои мученья
Должен кровью я своей.

Вижу, ты теперь боишься
Крови, милая! Постой!

Сколько лет с кровавым сердцем
Я стоял перед тобой?

Ты знакома с ветхой притчей
Про коварную змею —
Ту, что яблоком сгубила
Прародителей в раю?

Этот плод – всех зол причина:
Ева в мир внесла с ним смерть,
Эрис – пламя в Трою, ты же
Вместе с пламенем – и смерть!

«Сначала страдал я жестоко...» *Перевод П. Вейнберга*

Сначала страдал я жестоко
И думал – не вынести никак;
И все-таки – вынес... Но только
Меня ты не спрашивай – как?

«Гор и замков вереницы...» *Перевод В. Зоргенфрея*

Гор и замков вереницы
Отразились в глади вод;
Мой кораблик резво мчится,
Рейн сверкает, даль зовет.

Блещут искры золотые,
И слежу я за волной;
Чувства прежние, бывшие
Вновь проснулись, вновь со мной.

Нежной лаской и приветом
Ободряет дивный вид;
Но поток, что дышит светом,
Гибель темную таит.

Сверху гладь, но гибель в лоне, —
Ты, поток, ее портрет,
Где в приветливом поклоне
Та же нежность, тот же свет.

«О, пусть бы розы и кипарис...» *Перевод В. Зоргенфрея*

О, пусть бы розы и кипарис
Над книгою этой нежно сплелись,
Шнуром увитые золотым, —
Чтоб стать ей гробницею песням моим.

Когда б и любовь схоронить я мог,
Чтоб цвел на могиле покоя цветок!
Но нет, не раскрыться ему, не цвести,
И мне самому в могилу сойти.

Так вот они, песни, что к небу, ввысь,
Как лава из Этны, когда-то неслись
И, вызваны к свету глубинным огнем,
Искры пожара роняли кругом!

Теперь они смолкли, жизни в них нет,
И холоден их безмолвный привет.
Но прежний огонь оживит их вновь,
Едва их дыханьем коснется любовь.

И чаяньем смутным полнится грудь:
Любовь их согреет когда-нибудь.
И книга песен в чужом краю
Разыщет милую мою.

И чары колдовства спадут,
И бледные буквы опять оживут,
В глаза тебе глянут со скорбной мольбой
И станут любовно шептаться с тобой.

Романсы

УНЫЛЫЙ. Перевод В. Зоргенфрея

Этот мальчик, бледный с вида,
Больно трогает сердца,
Скорбь и тяжкая обида
Помрачили свет лица.

Ветерок к нему стремится —
Лоб горячий освежить;
Даже гордая девица
Хочет лаской подарить.

Он покинул город душный,
Чтоб в лесу найти приют.

Где листва шумит радушно,
Птицы весело поют.

Но конец приходит хорам,
Шелест радостный исчез,
Лишь унылый с грустным взором
Потихоньку входит в лес.

Горный голос. Перевод В. Зоргенфрея

В долине всадник, между гор;
Конь замедляет шаг.
«Ах, ждет ли меня любовь моя
Или тяжкий могильный мрак?»
Ответил голос так
«Могильный мрак!»

И всадник едет вперед, вперед
И говорит с тоской:
«Мне рано судьба судила смерть,
Ну что же, в земле – покой».
И голос за горой:
«В земле – покой!»

Слеза бежит по его лицу,
И на сердце грусть, тоска:
«Что ж, если в земле лишь найду покой,
То, значит, земля легка».
В ответ издалека:
«Земля легка!»

Два брата. Перевод В. Зоргенфрея

На вершине каменистой
Замок, в сумрак погружен,
А в долине блещут искры,
Светлой стали слышен звон.

Это братьев кровных злоба
Грудь о грудь свела в ночи;
Почему же бьются оба,
Обнажив свои мечи?

То Лаура страстью взора
Разожгла пожар в крови.
Оба знатные синьора

Полны пламенной любви.

Но кому из них обоих
Суждено ее привлечь?
Примири кровавый бой их,
Разреши их распрю меч.

Оба бьются, дики, яры,
Искры блещут, сталь звенит.
Берегитесь! Злые чары
Мгла полночная таит!

Горе вам, кровавым братьям!
Горе! Горе! Кровь ключом!
Оба падают с проклятьем,
Пораженные мечом.

Век за веком поколенья
Исчезают в бездне мглы;
Старый замок в запустенье
Смотрит сверху, со скалы.

Но в долине, под горою,
Неспокойно, говорят:
Там полночною порою
Насмерть с братом бьется брат.

Бедный Петер. *Перевод М. Кузмина*

I

Ганс и Грета в танце идут,
Веселье кругом закипело.
А бедный Петер тоже тут,
И он – белее мела.

Ганс и Грета – с невестой жених,
И в свадебном блещут наряде.
Кусая ногти, Петер притих,
В отрепьях стоит он сзади.

И молвит тихонько про себя,
На пару глядя с тоскою:
«Не будь таким рассудительным я,
Сыграл бы шутку с собою!

II

В своей груди я боль держу,
И грудь от боли стонет.
Где ни стою я, где ни сию,
Она всё с места гонит.

И гонит меня к любимой моей,
Как будто спасенье в Грете,
Но лишь взгляну в глаза я ей —
Места покину эти.

Взойду я на вершину гор
Один, зарю встречая.
И слезы мне туманят взор,
И горько я рыдаю».

III

И Петер ослабел вконец,
Он робок, бледен как мертвец,
То ступит шаг, то вновь стоит,
И на него народ глядит.

И хор девичий зашептал:
«Не из могилы ли он встал?» —
«Нет, девушки, он не таков:
Не встал, а лечь в нее готов.

Он потерял заветный клад
И гробу был бы только рад.
Всего спокойней лечь туда
И спать до Страшного суда».

Вестник. Перевод П. Вейнберга

Мой паж, вставай, седлай скорей
И на коня садись
И чрез леса, и чрез поля
К Дункану в замок мчись.

В конюшню там пройди тайком,
И конюх как взойдет,
Спроси: «Которую Дункан

Дочь замуж выдает?»

Коль скажет он: «брюнетку» – ты
Сейчас же с вестью мчись;
Коль скажет он: «блондинку» – ты
Не слишком торопись.

Сперва у мастера купи
Веревку для меня
И, молча, мне ее вези,
Не торопя коня.

Похищение. Перевод В. Зоргенфрея

Один не уйду я, любовь моя!
Со мною пойдешь ты
В дом мой темный, старинный, унылый,
В дом укромный, пустынный, милый,
Где мать моя на пороге сидит,
И сына ждет, и вдаль глядит.

«Оставь меня, страшный человек!
Оставь, незванный!
Твой грозен вид, как лед рука,
Твой взор горит, как мел щека, —
Я здесь останусь, ждут меня
Дыханье роз, сиянье дня».

Забудь про розы, про день забудь,
Моя дорогая!
Укройся к ночи фатою белой,
По струнам громче рукою смелой
И песню венчальную мне спой —
Подхватит ветер ее ночной.

Дон Рамиро. Перевод В. Зоргенфрея

«Донна Клара! Донна Клара!
Радость пламенного сердца!
Обрекла меня на гибель,
Обрекла без сожаленья.

Донна Клара! Донна Клара!
Дивно сладок жребий жизни!
А внизу, в могиле темной,
Жутко, холодно и сыро.

Донна Клара! Завтра утром
Дон Фернандо перед Богом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.